

Толстой Лев Николаевич

Как дядя Семён рассказывал

Поехал я раз зимою в лес за деревьями. Срубил три дерева, обрубил сучья, обтесал, смотрю – уж поздно, надо домой ехать. А погода была дурная: снег шёл, и мело. Думаю: "Ночь захватит, и дороги не найдёшь". Погнал я лошадь. Еду, еду – всё выезду нет. Всё лес. Думаю: "Шуба на мне плохая, замёрзнешь". Ездил, ездил – нет дороги, и темно. Хотел уж сани отпрягать да под сани ложиться, слышу – недалеко бубенцы погромыхивают. Поехал я на бубенчики, вижу – тройка коней саврасых, гривы заплетены лентами, бубенцы светятся, и сидят двое молодцов.

– Здорово, братцы!

– Здорово, мужик!

– Где, братцы, дорога?

– Да вот мы на самой дороге. Выехал я к ним, смотрю: что за чудо – дорога гладкая и не заметённая.

– Ступай, – говорят, – за нами, – и погнали коней.

Моя кобылка плохая, не поспевает. Стал я кричать:

– Подождите, братцы!

Остановились, смеются.

– Садись, – говорят, – с нами. Твоей лошади порожнем легче будет.

– Спасибо, – говорю.

Перелез я к ним в сани. Сани хорошие, ковровые. Только сел я, как свистнут:

– Ну, вы, любезные!

Завились саврасые кони так, что снег столбом. Смотрю: что за чудо? Светлей стало, и дорога гладкая, как лёд, и палим мы так, что дух захватывает, только по лицу ветками стегает. Уж мне жутко стало. Смотрю вперёд: гора крутая–прекрутая, и под горой пропасть. Саврасые прямо в пропасть летят. Испугался я, кричу:

– Батюшки! Легче, убьёте!

Куда тут, только смеются, свищут. Вижу я – пропадать. Над самой пропастью сани. Гляжу, у меня над головой сук. "Ну, – думаю, – пропадайте одни". Приподнялся, схватился за сук и повис. Только повис и кричу:

– Держи!

А сам слышу тоже – кричат бабы:

– Дядя Семён! Чего ты? Бабы, а бабы! Дуйте огонь. С дядей Семёном что-то недоброе, – кричат.

Вздули огонь. Очнулся я. А я в избе, за полати ухватился руками, вишу и кричу непутёвым голосом. А это я – всё во сне видел.